

Жарко! Очень жарко! Душно! Нестерпимо жарко!

Словно неодолимый, неопиcуемый порыв неистовствовал в его теле, лишая всякого самообладания.

Цзян Чуан смутно чувствовал, что под ним лежит человек. Их кожа соприкасалась. Тело юноши было прохладным, дарящим блаженное облегчение, а еще от него исходил знакомый и такой любимый аромат.

Мысли Цзян Чуана путались, он не мог рассуждать здраво. Ему оставалось лишь поддаться порыву сердца, дать волю желаниям. Он сжимал его в объятиях, будто пытаясь вдавить в собственную плоть и кровь, чтобы вместе взмыть на вершину блаженства.

Четыре часа спустя, когда безумный порыв утих, к Цзян Чуану наконец вернулся разум.

Цзян Чуан поднялся и только теперь разглядел человека, которого довёл до беспамятства. На его белоснежной коже темнели синяки и красные следы — зрелище было пугающим.

Рассыпавшиеся черные волосы покрывали подушку. Юноша лежал с закрытыми глазами, слабо хмурясь, его дыхание едва теплилось.

Изысканное, словно выточенное из нефрита лицо даже с закрытыми глазами поражало своей неопиcуемой красотой. Казалось, сама богиня Нюйва бережно, штрих за штрихом изваяла этот безупречный облик.

Даже сейчас, когда он просто безмолвно лежал, от него невозможно было отвести взгляд.

Кто-то когда-то утверждал: если бы темные, как тушь, глаза пятого принца исцелились, ему хватило бы одного взгляда, чтобы пленить сердца всех ценителей красоты в Поднебесной!

Как жаль...

Пятый принц?!

Человек, лежащий перед ним, был его супругом – тем самым ослепшим и отвергнутым всеми пятым принцем.

И это был тот самый Вэнь Цзюэ — Вэнь Чжиюй, который в прошлой жизни испустил последний вздох у него на руках.

Цзян Чуан оцепенел. Прошло немало времени, прежде чем он протянул руку и коснулся щеки юноши – та по-прежнему оставалась холодной.

В испуге он поднёс пальцы к его носу — дыхание было! Он дышал!

Сон это или явь?!

Если сон, то почему все кажется настолько осязаемым?

— Чжиюй... — дрожащей рукой Цзян Чуан погладил его по лицу и позвал его по имени.

Ответа не последовало...

— Чжиюй! — В панике он позвал громче, срываясь на дрожь.

Ресницы Вэнь Цзюэ слегка дрогнули, но он не проснулся.

Цзян Чуан наконец облегченно вздохнул. Прикосновения, дыхание – все было слишком настоящим. Это не сон!

Он огляделся по сторонам и лишился дара речи. Окружающая обстановка, убранство комнаты – как же все это было знакомо!

Разве не так выглядела спальня пять лет назад, в их с Вэнь Цзюэ свадебную ночь?

Ну конечно! Драгоценный меч, украшенный нефритом, что висел в изголовье кровати, подарила Старшая принцесса Чэнью. Она настояла, чтобы Вэнь Цзюэ повесил его у постели, многозначительно обронив, будто он отгоняет злых духов и бережет покой.

Но Цзян Чуан прекрасно понимал скрытый смысл: принцесса просто боялась, что он станет обижать Вэнь Цзюэ. В то время генерал не придавал этому значения и разрешил супругу вешать оружие куда угодно.

Тогда в незрячих глазах Вэнь Цзюэ светилась улыбка. Он тихо ответил: «Хорошо, но я ведь ничего не вижу, так что придется побеспокоить супруга и попросить его повесить меч».

Так что этот меч Цзян Чуан вешал собственной рукой. Давно похороненные воспоминания хлынули лавиной, заставив его на мгновение позабыть обо всем.

Но сейчас было не время предаваться воспоминаниям. Если это действительно их свадебная ночь, значит, он выпил вино хэцзинь, в которое подсыпали зелье, и безжалостно терзал Вэнь Цзюэ до самого утра.

Из-за этого Вэнь Цзюэ пролежал в беспамятстве целые сутки и пропустил положенное время для визита во дворец с благодарностью императору. Его репутация пострадала, и при следующем же посещении дворца на него обрушился шквал ядовитых насмешек и колкостей.

Император и без того презирал Вэнь Цзюэ, а после наговоров императрицы все причитавшиеся принцу дары урезал наполовину.

И кто знает, сколько холодных слов и едких колкостей пришлось вынести Вэнь Цзюэ там, где Цзян Чуан этого не видел.

— Эй, кто-нибудь! Позовите лекаря! Живо несите горячую воду! — громко закричал Цзян Чуан, бережно укутывая Вэнь Цзюэ в одеяло.

Слуги торопливо вошли на зов. Низко опустив головы, они внесли ушаты с горячей водой, не смея ни поднять глаз, ни проронить хоть слово.

В первую половину ночи они отчетливо слышали доносившиеся из спальни страстные стоны и прекрасно понимали, что там происходило. Но если теперь хозяин приказывает звать лекаря... насколько же все серьезно?

Черт возьми! Неужели это действительно их с Вэнь Цзюэ первая брачная ночь?!

После того как он, прижав к себе Вэнь Цзюэ, прыгнул с обрыва, он переродился на пять лет назад?

Но время для возвращения выдалось хуже не придумаешь! Почему он не мог вернуться

чуточку раньше?!

Вернись он до того, как пригубил вино хэцзинь, Вэнь Цзюэ не пострадал бы так ужасно от его рук!

Постепенно Цзян Чуан пришел в себя. Он удивительно быстро примирился с этим невероятным, мистическим событием.

Возможно, то загадочное знамение вернуло к жизни его мятежную, полную обиды душу, которая наотрез отказывалась перерождаться, дабы дать ему шанс исправить ошибки прошлой жизни.

Отослав слуг прочь, Цзян Чуан принялся сам обмывать горячей водой испачканное, липкое тело Вэнь Цзюэ. В его голове не было ни единой порочной мысли – лишь глубокое раскаяние и щемящая нежность. В детстве Вэнь Цзюэ перенес отравление, из-за чего лишился зрения, а поскольку отец его не жаловал, каждый так и норовил уколоть или унижить его.

Его здоровье было вконец подорвано постоянными недугами. Как мог такой хрупкий человек вынести грубый напор неотесанного вояки?

С каждым мгновением Цзян Чуан злился все сильнее. Злоумышленник, подсыпавший снадобье, преследовал поистине дьявольскую цель: он хотел не просто помешать Вэнь Цзюэ явиться во дворец, но и погубить его!

Чужими руками — руками самого Цзян Чуана!

В прошлой жизни Цзян Чуан тоже понимал, что его опоили, но тогда он не придал этому значения. Он наивно полагал, будто император пошел на такую низость лишь из опасения, что молодые из-за взаимной неприязни откажутся делить ложе.

Но когда он увидел, что Вэнь Цзюэ не может подняться с постели, а затем столкнулся с чередой последующих событий, то осознал: это была тщательно спланированная ловушка. Увы, к тому моменту исправлять что-либо было уже поздно.

Лежащий на кровати Вэнь Цзюэ беспокойно метался во сне и негромко закашлялся. Испуганный Цзян Чуан тут же склонился над ним и, лишь убедившись, что все в порядке, немного успокоился.

Аккуратно втирая принесенную лекарем мазь в покрытую синяками кожу Вэнь Цзюэ, Цзян Чуан изнывал от раскаяния и ярости. Если он когда-нибудь разузнает, чьих рук это дело, то лично перережет негодяю глотку!

Вид измученного Вэнь Цзюэ вселял в его душу тревогу. Перед глазами невольно всплыл образ из будущего – пять лет спустя, когда окровавленный Вэнь Цзюэ, харкающий черной кровью, выпускал дух на его руках.

Даже на пороге смерти тот со слезами умолял: «Пожалуйста, не сердись больше на меня, супруг».

Тогда Цзян Чуан в панике пытался что-то ответить, но горло перехватило от невыносимого горя.

Он мог лишь беспомощно смотреть, как Вэнь Цзюэ затихает в его объятиях, а в его незрячих

глазах навсегда воцаряется ледяная пустота.

От этих воспоминаний глаза Цзян Чуана застлали слезы. Он склонился ниже и прижался своим лбом ко лбу Вэнь Цзюэ.

— Чжияй, мой Чжияй... — прошептал он.

— ...Я больше никогда не стану сердиться на тебя. Лишь бы ты был жив и здоров. Отныне все будет так, как ты скажешь.

Он крепко сжал руку Вэнь Цзюэ, неосознанно усиливая хватку.

От этого прикосновения Вэнь Цзюэ вздрогнул и медленно открыл глаза.

<http://bllate.org/book/20326/2029314>